18.10.02

Проклова Елена

Женские

"Время никого не красит. Той Прокловой уже нет, она останется только на экране. Но я очень счастлива: огромное число людей не стыдится мне и по сей день признаться в любви".

Фото Славы ГУРЕЦКОГО

Как красиво она начинала жизнь! Еще девчонкой, снявшись в фильме "Звонят, откройте дверь!", стала суперпопулярной. В 17 лет вышла замуж, родила дочку, поступила в театральный, стала актрисой МХАТа.

В кино не просто продолжала сниматься, а блистала в таких шедеврах, как "Гори, гори, моя звезда", "Ключ без права передачи", "Единственная", "Как Иванушка-дурачок за чудом ходил", "Голубка", "Он пришел"... Стала лауреатом премии Ленинского комсомола, членом ЦК ВЛКСМ

Потом волна интереса к Прокловой стала спадать. В кино и театре ее обходили, затирали и в конце концов в начале 90-х "ушли из МХАТа". Ее преследовали неудачные романы, замужества. Она ушла в тень - круто переменив всю жизнь. Стала жить в деревне, вышла замуж за человека не из мира искусства.

А два года назад неожиданно вернулась. Сыграла в антрепризе Александра Абдулова "Все проходит", снялась в фильме "Желтый карлик", в ТВ-программе "Женский взгляд", выпустила книгу "В роли самой себя". И оказалась по-прежнему нужной, любимой, единственной...

– Ваша книжка "В роли самой себя" заканчивается рассказом о том, что после многолетней паузы вас вновь приглашают работать в театр, причем в какой: в "Табакерку" к Олегу Табакову! Но что-то об этом проекте ничего не слышно...

- К сожалению, не срослось. Для меня эта работа была принципиальной, я решала: возвращаться ли мне в театр или нет? А если возвращаюсь, то ради чего? Мне предложили роль в спектакле "Отец" по Стриндбергу, пьесе достаточно сложной, никогда не получавшейся в сценическом варианте. Ставил ее уехавший на Запад двадцать с лишним лет назад один актер и режиссер. Удивительно милый человек, превратившийся за годы эмиграции в такого "немца". Интеллигентный, корректный, но с менталитетом по жизни совершенно отличным от того, чем живем мы. И поэтому те проблемы, которые он собирался решать в спектакле, меня совсем не волновали.

– В чем же вы так резко разошлись?

- Стриндберг - автор, который всю жизнь пытался доказать, какие мы, женщины, ничтожные, отвратные, подлые, мерзкие... Но именно из-за того, что автор очень много страсти вложил в пьесу, у меня, как у актрисы, была возможность поспорить с ним на сцене. Я говорила режиссеру: "Я знаю, как сыграть эту женщину, которая, казалось бы, подобна исчадию ада. Сыграю ее так, что стану чуть ли не положительной героиней. И тогда есть смысл вернуться на сцену: я буду спорить с женоненавистником Стриндбергом, со всем мужским населением, наконец - со своим партнером по спектаклю". Вот это мне было интересно! А просто сыграть суку-стерву - разве это задача, ради которой стоит возвращаться на сцену, покидая свой столь привлекательный загородный мир?!

Начали мы работать, а после художественного совета, посмотрев фактически готовый спектакль, режиссер-"почти немец" сказал: "Лена, я преклоняю колени - вам это удалось! Вы сделали так, что она - положительная героиня, а наш герой полный... и плюс к тому сволочь".

Я было обрадовалась: "Видите, как замечательно! Значит, мы с вами полностью перевернули традиционное представление о Стриндберге!"

"Нет, - сказал мой оппонент! - Мне, как режиссеру, это совершенно не нужно. Мне нужен герой как герой".

На это я ответила, что буду играть так, как я выстроила роль, или не буду играть вовсе.

– Табаков был в курсе этой ситуации?

- Олег Павлович вызвал меня: "Надо идти на компромисс!"

– Мудро...

- Я ответила: "Олег Павлович, я от вас этого даже слышать не хочу. Вы были и остаетесь моим учителем. В свои пятнадцать лет я запомнила ваши слова, которые навсегда останутся для меня смыслом существования в этой нелегкой и не самой хорошей профессии на свете..."

– Что же такое изрек тогда Табаков?

- Что профессия актера имеет смысл только в том случае, если это твоя принципиальная позиция, если ты в любой роли отстаиваешь свои взгляды, свою веру, душу. А если начнешь идти на компромиссы, то пропадешь как актриса.

Выслушав меня, Олег Павлович развел руками: "Лена, что я тебе могу ответить! Ты права... Но, к сожалению, театр - это очень сложный организм, и если актриса не хочет подчиниться замыслу режиссера, то нам придется расстаться не с режиссером, а с тобой". И мы расстались. Роль сыграла Женечка Симонова, и, насколько я знаю, спектакль провалился. Немудрено, потому что главная героиня и вся пьеса получалась любовной, скучной, нудной.

– Прошло два года. От Табакова, после того как он возглавил МХАТ, вам не поступало никаких предложений?

- Наверное, ему пока не до меня.

– А если бы вы сами пришли к Олегу Павловичу и, грубо говоря, упали в ножки: "Хочу вернуться в родной МХАТ?"

- А зачем кому-то падать в ноги?!

– Даже Табакову? Даже ради МХАТа?

- В жизни вообще не стоит никогда никуда падать: ни в ноги, ни в руки...

Я давно пришла к выводу, что моя профессия - это как женщина в любви: она не может сама себя предлагать! Иначе ничего доброго не выйдет.

Если тебя не желает режиссер, если не дает понять, что ему нужна только ты и никто другой, то ничего хорошего не жду.

– В "Табакерке" не сложилось, однако все так удачно – по любви! – получилось у вас в антрепризном спектакле "Все проходит" (автор пьесы Олег Данилов, режиссер Дмитрий Астрахан, продюсер и исполнитель главной роли Александр Абдулов)...

- За два года мы сыграли 75 (!) спектаклей. При том что откликаемся далеко не на все предложения. Каждый из актеров занят еще в каких-то театрах, проектах, нам довольно трудно совпасть.

– В чем феномен абдуловской антрепризы?

принципы Елены Прокловой

- Много составляющих.

Во-первых, сейчас очень сложно почти в каждой семье, а пьеса об этом. Поскольку военное положение в семье - нормальная ситуация для человека, то спектакль многих задевает за живое.

Во-вторых, Абдулов - личность, что для многих женщин разных поколений является эталоном, собирательным образом. Саша ведь очень положительный человек по своей сути. Особенно ярко это проявляется, когда он играет отрицательные роли, совершает на экране или на сцене неблаговидные поступки. Он артист вне амплуа. Кого бы ни играл, остается умницей, красавцем, воплощением обаяния. И конечно, зрители с радостью идут на спектакли с Абдуловым.

В-третьих, какую-то роль в успехе проекта сыграло и мое возвращение на сцену. Зрителю это всегда интересно - увидеть артиста, который надолго выпал из обоймы.

Я уже не говорю о том, что спектакль поставил интересный, тонко чувствующий время и похорошему модный режиссер Астрахан. Да и драматургия Данилова при всем ее внешнем цинизме на самом деле заставляет зрителей задуматься, а это редкость для современных авторов.

– Вы считаете, что зритель по-прежнему спешит в театр, чтобы задумываться о главном, а не в поисках развлечения?

- А как же? Мы же не шоу, не цирк, не эстрада. К нам в основном тянется тот зритель, которому хочется что-то в себе понять, изменить.

– После оглушительного успеха спектакля "Все проходит" Абдулов, как опытный продюсер (его антрепризному театру недавно исполнилось десять лет!), наверняка готовит какое-то продолжение...

- Уже в конце октября в Москве состоится премьера - "Семейная идиллия". Главную роль сыграет Панин, я - его супругу, еще одну героиню - Вера Сотникова. Кроме того, у нас занята дочка Светланы Томы и еще несколько молодых актеров. Автор - Данилов, режиссер - Астрахан.

– А как же Абдулов?

- Александр Гаврилович ограничился ролью продюсера спектакля.

– Думаю, после "Все проходит" вы теперь нарасхват у продюсеров и режиссеров...

- Есть предложения, причем не только от антрепризных проектов, но и от репертуарных государственных театров. Пока отказываюсь.

Актерам платят копейки, а требуют каких-то невероятных договоров. Вроде бы лестное предложение - стать героиней в театре, играть весь репертуар, но, когда понимаешь, какие обязательства ты на себя взваливаешь и за какую сумму, то невольно думаешь: "Зачем мне это нужно?!"

Видимо, пока еще не наступило время гармонии между актерской отдачей и чисто финансовой компенсацией, которая все равно необходима.

- Лена, если ваше возвращение на театральные подмостки состоялось, то столь же триумфально вернуться в кино не получается. Два года назад, правда, вы вместе с Абдуловым снялись в картине "Желтый карлик" у Астрахана, но фильм широкого резонанса не получил...

- Сейчас время, как бы поточнее сказать, бандитских фильмов. Такого якобы мужского кино. Поэтому мне бесконечно предлагают играть жен героев, а это безумно скучно. Все ведь одно и то же: либо она, сволочь такая, его продает, либо она все понимает. И ничего более.

Мне до сих пор не посчастливилось прочесть ни одного киносценария, который с любопытством бы отнесся к героине, к проблемам, которых у женщин моего возраста хватает.

И вот опять звонят: "Елена Игоревна, предлагаем вам главную роль в нашем десяти- (двадцати-, семидесяти-) серийном фильме!" Читаю сценарии: "Она сидела дома и ждала..." Прочтешь первую серию, а вторую уже не хочется.

– Людмила Марковна Гурченко признавалась мне, что когда она играет в мюзикле "Бюро счастья", то в эти два часа на сцене любит только одного мужчину – своего партнера Гедиминаса Таранду. И никого больше! Но опускается занавес, и вся ее любовь улетучивается. До следующего спектакля. У вас было что-то подобное с Абдуловым?

- Я, очевидно, менее эмоциональный человек. Люблю на сцене играть как бы про своего мужчину, про свои отношения. Хотя играю идею, а не конкретную ситуацию. Мне очень нравится Саша как артист, как человек. Но на сцене меня, как говорится, не переклинивает. Я по сути своей домостроевский человек. Играю про себя с мужем, про какие-то свои жизненные ситуации, ощущения. Играю то, как бы отнеслась к этому, случись такая беда в моей собственной семье.

– Вы предельно откровенно (кому-то могло показаться, даже через край!) поведали о своей личной жизни в ТВ-программе "Женский взгляд" Оксаны Пушкиной. О раннем браке с журналистом Виталием Мелик-Карамовым, о непростых отношениях с взрослой дочерью Ариной, о втором браке с доктором Александром Дерябиным, о том, как умерли после родов ваши мальчики-близнецы, о третьем браке с Андреем Владимировичем, в котором умер после родов ваш сын, наконец – о счастье рождения долгожданной дочери Полины... Вы легко согласились на съемки?

- У нас были долгие разговоры, переговоры. Когда Пушкина впервые ко мне приехала, я как раз репетировала в Театре Табакова, внутренне понимая, что надо отказываться от этой работы. У меня был сложный период, и я говорила Оксане: "Женские истории - это ведь не только рассказы о детях, о браках. Вот у меня профессиональные проблемы, не менее эмоциональные. Я уже не могу рассказывать про своих детей, это похоже на спекуляцию, об этом больно говорить, почему вы вообще роетесь во всем? А вот тоже моя сложная проблема: не имею возможности в театре пробиться сквозь строй мужиков, меня давят, и это типичная дискриминация женщин. Разве это не интересно?"

Оксана сказала: "Я вам перезвоню" - и исчезла. Ну, думаю, значит, ее не заинтересовали мои истории. И вдруг однажды она нагрянула ко мне за город: "Лена, я с тупой настойчивостью профессионала хочу продолжить наш разговор и показать вам письма телезрительниц, которым помогают эти передачи". Я человек сентиментальный - начитавшись писем, дрогнула.

А потом, после эфира "Женских историй", стоило мне появиться в магазине, на рынке, просто по улице пройти, ко мне подходили женщины с благодарностью, со слезами в глазах: "Спасибо, я уже не знала, что делать, думала, что одна такая несчастная, затюканная жизнью... Но если даже у вас такое случается и вы нашли силы вытерпеть, выстоять, то мне стало как-то легче бороться со своими проблемами".

И тут я поняла, что Оксана делает не ТВ-шоу "Плачьте с нами, плачьте лучше нас". Видимо, у меня глаз слишком профессиональный, я в этом кручусь и уже пропиталась цинизмом. А для нормальных людей лучшие ее программы - реальная поддержка. Неправильно мне отделять себя от остальных: "Мое горе не трогайте, я не такая, как все, а другая, единственная". Нет, если кому-то могу помочь, пусть даже испытав боль, поделившись своими несчастьями, то не имею права отказываться.

– В своей книжке вы довольно откровенно пишете, что причиной многих женских бед была ваша полнейшая медицинская безграмотность. А у вас, оказывается, была повышенная свертываемость крови. Ничего страшного, есть простые, безвредные препараты, разжижающие кровь, их надо просто принимать регулярно. Но незнание этого, невнимание к собственному организму привели вас к потере двойняшек.

С годами вы стали более заботливо относиться к себе, к своему здоровью?

- Не я одна такая к себе невнимательная. Люди нашего поколения не были приучены всерьез заботиться о своем здоровье. Как в песне пелось: "Если я заболею, я к врачам обращаться не стану". Сейчас, к счастью, у меня есть и время, и финансовые возможности следить за собой, понимая, что, как женщина, я должна максимально долго оставаться здоровой.

– У вас появился семейный доктор?

- Слава богу, пока нет в нем надобности. Жизнь за городом, в лесу, - это прекрасный доктор.

Мы с мужем и дочкой живем на побережье Клязьминского водохранилища, в двадцати километрах от Москвы.

Пятьдесят соток, а помощников нет - приходится работать, вкалывать. Тренажеры не нужны, зарядка тоже. Всю зиму: сауна - прорубь. Еще лед не сошел, только потрескался - уже плаваю. Обожаю рыбалку, охоту, занимаюсь верховой ездой. За городом я окончательно убедилась, что я трудоголик по всем параметрам. Встаю в пять утра. Ложусь за полночь и даже позже. И все это время кручусь как белка в колесе - по дому, по саду. Правда, раз в месяц падаю с ног и сплю сутки-двое напролет. Отосплюсь - и опять вперед! Очень здорово, что у меня в жизни есть столько интересного помимо сцены.

– Несколько лет назад, удивив многих, вы стали студенткой Московского архитектурного института, кафедры ландшафтного дизайна, школы согэцу (это одно из направлений в искусстве икебаны. – *Прим. авт.*). Как протекает учеба?

- Я бросила институт. С надеждой, что, может быть, когда-то его окончу. Я занималась на двухгодичных курсах, дающих на базе высшего образования еще одно высшее. Перейдя на второй курс, поняла: все, что мне надо там было взять, я уже взяла. Остальное можно найти в литературе (ее огромное количество!), чтобы не посвящать столько времени поездкам на учебу из загорода в Москву. К тому же есть ряд дисциплин (где надо что-то абстрактно чертить, рисовать), которые мне вообще не нужны. Я ведь училась не для диплома, а для себя, чтобы узнать что-то новое, полезное. Узнала! Поработала с замечательными педагогами, специалистами...

– Словом, учение пошло на пользу.

- Конечно! Я сейчас воплощаю одну из самых важных своих работ в жизни - делаю потрясающий сад в одном доме. Это мини-парк с гротами, фонтанами, лужайками, аллеями... Я просто в восторге от этого занятия.

– В "одном доме" – это не в своем?

- Не в своем. Это моя вторая работа.

– Бизнес?

- Который позволяет мне не играть в плохих ролях, что мне предлагают.

– Это доходный бизнес?

- Кто себе может позволить сделать грот? Явно небедные люди!

– К тому же ваши заказчики теперь могут похвастать: сама Проклова – их личный дизайнер!

- Не улыбайтесь! Уже несколько журналов ждут, когда строительство будет завершено, чтобы сделать фоторепортаж. Там и бассейн, и пруды - есть что "щелкнуть".

Я заседаю во многих комиссиях по флористике, мне это все действительно интересно.

– Ваша младшая дочка Полина уже пошла в первый класс?

- Учится - страшно сказать! - уже в третьем классе. Как все быстро летит - ей уже восемь лет. Она у меня умница.

– И талантливая?

- Для родителей все дети талантливые. Она занималась с педагогами музыкой, английским, но сейчас я все это отменила, поняв: то ли я рано за Полину взялась, то ли пока ей это не нужно. В одном она бесспорно талантлива: удивительно общительный, веселый, легкий человечек. Может быть, из-за того, что мы живем за городом, у нее недобор общения со сверстниками. Она безумно счастлива, когда приезжают дети и можно гулять, играть, рисовать, общаться. Сама Полина просит возить ее на курсы по рисованию, а остальные нагрузки я сняла, решив, что чему-то по-настоящему хорошо можно научиться только тогда, когда ты сам этого хочешь. А так я, навязывая ей свои желания, отнимаю у дочери то, чем ей самой хотелось бы заняться.

– Лена, а это не легенда, что вы умудрились стать членом ЦК ВЛКСМ, не будучи комсомолкой?

- Для меня как гром среди ясного неба прозвучала фраза: "От имени творческой молодежи предлагается избрать в ЦК лауреата премии имени Ленинского комсомола, замечательную актрису лучшего в нашей стране театра МХАТ, прекрасного человека Проклову Елену". Когда это предложение было принято единогласно, я испытала шок. Дело в том, что когда-то в школе меня принимали в комсомол, но я ни в институте, ни в театре взносы не платила, на собрания не ходила, и по всем правилам меня давно должны были выгнать из рядов передовой молодежи. А тут - член Центрального Комитета! Чуть ли не на следующий день я получила билет на свое имя со всеми проставленными штампами о взносах.

Но членом ЦК я была достойным - тут уж без шуток. Поездки по стране, слеты, конференции, творческие встречи - все это длилось четыре года. А затем мне поручили прочитать доклад на съезде комсомола от творческой молодежи. Просто прочитать - это меня не устраивало. Я написала свой доклад, собственноручно, где честно рассказала о проблемах творческой молодежи. Разумеется, мой опус не утвердили. Предложили прочесть уже готовое, я настаивала на своем. Тогда руководству театра позвонили из ЦК и сообщили, что актриса Проклова на съезде выступать не будет. Для меня это было прощанием со многими иллюзиями. Я все больше понимала, что живу в гротесковой стране.

– Лена, вы полны энергии – и жизненной, и творческой, – но тем не менее многие зрители воспринимают Проклову как ностальгическую актрису, считая, что ваши главные роли уже давно сыграны...

- Время никого не красит. Той Прокловой уже нет, она останется только на экране (слава богу, что вообще останется!). Но я очень счастливая актриса: огромное число людей не стыдится мне и по сей день признаться в любви. Вы не представляете, сколько мужчин с радостью сообщают, как они меня любили, когда были молоды. А сколько женщин рассказывает, что я - любимая актриса их мужей и какие были дома из-за этого скандалы.

Двадцать - тридцать лет прошло, а откровенное, честное отношение ко мне осталось, и моим зрителям легко сказать мне при встрече: "Как приятно с вами помолодеть, вспомнить те замечательные годы!"

Такое ощущение, что у меня огромное число родных людей. В любом городе бывшего Союза. Правда, я их не знаю, но зато они меня хорошо знают, по-прежнему любят и ждут.

Михаил САДЧИКОВ